

им прежде аравийскую точку осваивают. И даже оставляют после себя «обще-признанные опознавательные знаки», которые недвусмысленно свидетельствуют: нашего настоящего и жаждущего приключений путешественника на пути в таинственный Оман никто и ничто не остановит.

Мое знакомство с Оманом началось с катания вдоль побережья на традиционном арабском суденышке доу. Безмолвное аравийское солнце нещадно палило, отражаясь от неподвижной морской глади, и уже через полчаса прогулки все пассажиры на борту классической фелюги в стиле «а-ля Синдбад-мореход» дружно задремали.

Но тут, проплывая мимо отвесных скал, надежно защищающих султанский дворец от возможной высадки недругов с водной акватории, я увидел целый иконостас росписей-автографов туристов со всего света. «Здесь был Джон», «Мы из Глазго, еще увидимся», «Deutschland ueber alles» (совсем свежая надпись, сделанная красным спреем), но выше всех, на самой оконечности остроугольной скалы — послание народам мира на родном и могучем: «Лениногорск».

Правда, город расположен на территории современного Казахстана, но расторопный визитер даже у стен султанской обители очень уж, видимо, жаждал всем вокруг доказать, что для наших людей нет в мире преград — ни на море, ни на суше. А само Аравийское море умелому да шустрому у стен султанского дворца так и вовсе по колено.

Те наши туристы, с которыми мне довелось пересекаться в Омане, буквально упрасивали гостеприимных хозяев: не пускайте сюда российский «бомонд», всех тех «магазинно-отоваривающихся», кто превратил уже Дубай и Абу-Даби в своего рода «выездной санаторий» дум всех мастей и расцветок да «дома показа моделей» российскими «телезвездами». Оставьте страну нетронутой для массового туризма и «понтовых визитов богатых, но здоровых».

Но правительственные чиновники в Омане, с которыми мне довелось беседовать, считают, что ни о каком «массовом русском нашествии» в их страну и речи идти не может. Что привлекает — это прежде всего цены. Они здесь примерно на 20% ниже, чем в соседних ОАЭ, на те же самые люксовые товары плюс никто не сооружает здесь насыпных островов или крытых ледовых дворцов, многокамерных океанских аквариумов и других «арабских причуд». Как никто не приглашает в Оман и многоликую попу для

съемок вычурных видеоклипов и празднования показушных свадеб и дней рождения членов их семей (чем опять-таки славны соседние ОАЭ).

Да, есть здесь и такие суперотели, как Chedi или Shangri La, в которых останавливаются никого здесь не интересующие и посему без излишнего внимания назойливых папарацци свободно отдыхающие звезды Голливуда и «европейского разлива» футбольные кумиры. Но, на мой взгляд, главная прелесть Омана не в них, а в горах Хаджара, нетронутых пляжах Индийского океана и Персидского (Арабского) залива, бесконечных лабиринтах местного рыбного рынка Мутра и непередаваемом запахе оманских пустынных благоволий.

Непохожий ни на кого другого Оман — это и уникальный ковер в молельном зале Большой мечети, который в течение четырех лет ткали 600 иранских женщин. Его размеры — 60х70 м, и он считается самым большим вручную вытканым ковром во всем мире.

Если же в столично-деревенском Маскате вам совсем уж станет вальяжно и расслабленно, то советую вечером выбраться на знаменитый серебряный и медный рынок в городок Низва (до него всего час езды) или прокатиться на самый север страны к полуострову Мусандам, куда приплывают поиграть, выпрыгивая из воды, многочисленные стаи дельфинов. Причем они еще экзотичнее смотрятся на фоне проплывающих, словно в не осознанной никем восточной сказке, безразмерных нефтеналивных танкеров и еще более вычурно выглядящих космической наружности газовозов, уносящих на мировые рынки из залива миллионные тонны нефти и сжиженного газа.

А под водой прямо напротив Маската можно понырять, причем ничуть не хуже, чем где-нибудь на Мальдивах или Сейшелах. Одних кораллов здесь около сотни видов, а диковинных рыб так и вовсе свыше 900 пород всех существующих на свете расцветок и размеров.

Прямо у роскошного отеля Chedi, откуда комфортабельные лимузины развозили явно не последних на свете гостей оманской столицы, мирно продефилировала кавалькада свободных в нравах и абсолютно уверенных в себе «кораблей оманской пустыни» — одnogорбых верблюдов. Один из них, чуть прищурившись, протянул было свою губастую морду к тонированному стеклу стоявшего на светофоре «Лексуса». Но, видимо, не признав в пассажире «своего», мирной трусцой направился как ни в чем не бывало вместе со стадом дальше, по своим верблюжьим делам...